

Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на 49-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 2 февраля 2013 года

184-02-02-2013

Уважаемый господин Председатель,

Уважаемые дамы и господа,

Мне приятно снова быть в Мюнхене на конференции, которая прочно закрепилась в качестве авторитетнейшей площадки открытого концептуального обсуждения проблем европейской и международной политики.

Невозможно не заметить символизма даты сегодняшней встречи. 70 лет назад закончилось одно из наиболее тяжелых, кровопролитных, судьбоносных сражений Второй мировой войны – Сталинградская битва. Сотни тысяч моих соотечественников, отдавших свои жизни за эту победу на берегах Волги, не только защищали Родину, но и сражались ради достижения всеобщего мира, как это делали и все наши союзники.

На то, чтобы не допустить повторения трагедии мировой войны, были нацелены и усилия дипломатии. Их результатом стало создание Организации Объединенных Наций. Однако вскоре после этого «холодная война» прочертила разделительные линии в Европе, надолго отодвинув возможности построения системы коллективной безопасности, воплощенной в Уставе ООН.

Говорю об этом не для того, чтобы спровоцировать очередной поиск виноватых. Ворошить прошлое – не для серьезных политиков. Как подчеркнул Президент России В.В.Путин в декабрьском послании Федеральному Собранию, Россия устремлена только вперед, только в будущее. Поэтому смысл нашего участия в Мюнхенской конференции мы видим прежде всего в том, чтобы попытаться нащупать совместные подходы к построению сообщества безопасности на основе подлинно стратегического партнерства. Именно такую цель выдвинули лидеры стран Евро-Атлантики в 2010 г. на саммитах ОБСЕ в Астане и Совета Россия-НАТО в Лиссабоне.

Разумеется, было бы ошибкой утверждать, что для достижения этой благородной цели вообще ничего не сделано. Россия и США заключили ДСНВ, наращивается многостороннее сотрудничество в борьбе с терроризмом, наркобизнесом, пиратством, угрозами, исходящими из Афганистана. Официально провозглашен отказ от психологии эпохи «холодной войны». Россия и члены НАТО заявили, что не рассматривают друг друга в качестве противников.

Но мы здесь не для того, чтобы расточать друг другу комплименты и хвалить, а чтобы понять пути, которые необходимо согласовать для успешного решения остающихся проблем.

Если мы все исходим из этого, то нужно признать, что не на словах, а на деле мы еще весьма далеки от подлинно коллективной евроатлантической архитектуры, которая опиралась бы на прочный международно-правовой фундамент. Сохраняется стремление выстраивать отношения в Европе по военно-политическим вопросам не на основе провозглашенных в ОБСЕ и СРН принципов, а через продвижение натоцентричной конструкции безопасности в качестве безальтернативной.

Считаем, что такой узкоблоковый подход не помогает, нам трудно его понять, руководствуясь объективными, рациональными соображениями; он едва ли применим к выстраиванию политики в сегодняшнем глобальном мире, когда угрозы для нас общие. Пора широко и всесторонне взглянуть на весь комплекс отношений в Евро-Атлантике и постараться определить, в чем заключаются совпадение подходов и сохраняющиеся расхождения между

нами, в том числе применительно к конфликтным ситуациям в других частях мира, влияющих на безопасность всех нас.

Если посмотреть на наиболее беспокойный сегодня регион – Ближний Восток, Северную Африку, зону Сахеля, то трудно избавиться от ощущения какого-то искривленного пространства. Возникает много вопросов в связи с подходами, применяемыми некоторыми нашими партнерами в условиях процесса «арабской весны». Позволяет ли поддержка выступлений за смену режимов оправдывать террористические методы? Можно ли в одной конфликтной ситуации воевать с теми, кого поддерживаешь в другой? Как застраховаться от того, чтобы незаконно поставленное тобой оружие в зону конфликта не было обращено против тебя самого? Кто из правителей является легитимным, а кто – нет? Когда допустимо сотрудничать с авторитарными режимами (как светскими, так и не очень), а когда допускается поддерживать их насильственное свержение? В каких случаях надо признавать силы, пришедшие к власти в результате демократических выборов, а в каких – отказываться от контактов с ними? Какими критериями и стандартами все это определяется?

На эти вопросы важно искать совместные честные ответы, тем более что в отношении конечных целей усилий по урегулированию кризисов у стран Евро-Атлантики гораздо больше объединяющих моментов, чем разногласий. Ведь все мы хотим, чтобы на Ближнем и Среднем Востоке, на Севере Африки и африканском континенте, как и в других регионах, была обеспечена стабильность, созданы условия для устойчивого развития, чтобы народы расположенных там государств смогли продвинуться к демократии и процветанию, чтобы были гарантированы и права человека, и бесперебойные поставки углеводородов, как и других жизненно необходимых ресурсов.

Если это наши общие цели, то мы, наверное, могли бы договориться о прозрачных и понятных «правилах», которыми должны руководствоваться все внешние игроки в своих практических действиях. Договориться о том, что все мы будем поддерживать демократические реформы во вставших на путь преобразований государствах, но не навязывать им извне какую-то шкалу ценностей, признавая множественность моделей развития. О том, что мы будем содействовать мирному урегулированию внутрисударственных конфликтов и прекращению насилия через создание условий для инклюзивного диалога с участием всех национальных политических групп. О том, что мы будем воздерживаться от внешнего вмешательства, особенно силового, без четко сформулированного мандата Совета Безопасности ООН и от произвольного применения односторонних санкций. Что будем последовательно и твердо противодействовать экстремизму и терроризму во всех их формах и проявлениях, требовать обеспечения прав этнических и конфессиональных меньшинств. Убежден, что если бы все участники встречи «Группы действий» в Женеве 30 июня 2012 г. дружно и добросовестно взялись за осуществление совместно сформулированных подходов, то сегодняшней трагической и ужасной ситуации в Сирии могло бы не быть. Но для этого необходимо по-честному выполнять то, о чем договорились, ничего не вычитая и ничего не прибавляя. Именно с этой целью мы давно предлагаем провести новую встречу «Группы действий». Надеемся, что присутствующий здесь Л.Брахими постарается в своей работе продвинуть эту инициативу.

В целом в отношении процессов «арабской весны» давно пора отойти от упрощенных схем и лозунгов, оценить ситуацию и сценарии ее развития с ответственных позиций. Понимание этого пробивает себе дорогу. Упомяну, в частности, недавнюю статью В.Ишингера во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», в которой изложены очень интересные мысли, перекликающиеся с нашими оценками ситуации.

Если мы заинтересованы в совместных действиях на общее благо, то нам нужно видеть мир таким, какой он есть. Признать, что силовые операции (за примерами далеко ходить не надо) ведут к усилению хаоса в международных отношениях и могут породить волны нестабильности, от которых будет невозможно укрыться ни на каком «островке стабильности». История продолжает набирать скорость, впереди – немало развилок, на которых снова придется выбирать между односторонними геополитическими целями и партнерством, между играми с нулевой суммой и солидарными усилиями по поиску ответов на вызовы современности.

Многие из этих развилок видны уже сейчас. Речь, например, идет о будущем панъевропейской организации – ОБСЕ. Сегодня разногласия в ней углубляются из-за попыток навязать другим собственные стандарты, превратить ее в достаточно конфронтационную полемическую площадку, обостряя тем самым системный кризис Организации. Необходимы объединительные проекты, которые цементировали бы европейское пространство, помогали бы выстраивать консенсус по фундаментальным вопросам безопасности. «Окно возможностей» еще есть: в декабре прошлого года СМВД ОБСЕ в Дублине принял решение о запуске процесса «Хельсинки+40». Хотелось бы надеяться, что к 2015 г., когда будет отмечаться этот юбилей, удастся выработать действительно общую повестку дня, отражающую не обмен претензиями, а решимость всех нас сосредоточиться на решении стратегических общих задач на основе воплощения на практике принципа неделимости безопасности.

Проблема ПРО стала важным тестом на соответствие реальных дел торжественным декларациям о приверженности этому ключевому принципу. Мы все рискуем утратить еще один реальный шанс построить единое евроатлантическое пространство. Россия предлагает простой и конструктивный путь – согласовать строгие гарантии ненаправленности глобальной ПРО США против любой страны-члена ОБСЕ и разработать четкие военно-технические критерии, позволяющие оценивать соответствие систем ПРО заявленным целям: нейтрализации ракетных угроз, исходящих извне евроатлантического региона.

Важно также внести ясность в определение миссии НАТО в новых условиях не для того, чтобы вмешиваться в этот процесс, а для того, чтобы он стал понятен нам. Продвижение к подлинному партнерству между Россией и Североатлантическим альянсом все еще тормозится попытками эксплуатировать тезис о советской угрозе, который сейчас уже превращается в тезис о российской угрозе. Фобии очень живучи, и мы видим, как под этот тезис выстраивается процесс военного планирования. Даже в условиях дефицита финансовых ресурсов наблюдается усиление военной активности на севере и в центре Европы, как если бы в этих регионах нарастали угрозы безопасности. Продолжается продвижение проектов дальнейшего расширения НАТО и продвижение военной инфраструктуры блока на Восток – словно и не было заявлений на высшем уровне о пагубности сохранения разделительных линий на континенте. Говоря об этом, некоторые наши европейские партнеры сейчас придумывают новые разделительные линии, начинают пытаться искусственно делить интеграционные проекты на «хорошие» и «плохие», «свои» и «чужие».

В НАТО сегодня обсуждают концепцию «умной обороны». Оставляю в стороне вопрос о том, от кого конкретно собираются обороняться. Гораздо важнее осознать объективную востребованность новой, современной «умной» внешней политики, нацеленной на максимально эффективное использование открывающихся возможностей коллективной работы вместо их непростительного разбазаривания. Если ведущие экономики мира в рамках «Группы 20» смогли наладить солидарные усилия для преодоления глобального финансово-экономического кризиса, то почему этого нельзя сделать в политике? Россия в прошлом году стала полноправным членом ВТО, созданной прежде всего для борьбы с протекционизмом в торгово-экономических связях. Мы признательны и США, и ЕС, и всем, кто поддерживал этот процесс. Но если мы постараемся проанализировать ситуацию с сохраняющимся блоковым мышлением, то, наверное, такое мышление и есть протекционизм в военно-политической сфере? А раз так, то очевидно, что оно находится в прямом противоречии с требованиями сегодняшнего дня, диктующими необходимость формирования открытых систем равной безопасности для всех.

Наши предложения о том, как сделать принцип неделимости безопасности, многократно провозглашенный в ОБСЕ и СРН, юридически обязывающим, работающим на практике, остаются «на столе» переговоров. Кодификация уже принятых на высшем политическом уровне обязательств не укреплять свою безопасность за счет безопасности других помогла бы оздоровлению военно-политического климата в Евро-Атлантике, способствовала бы сближению всех государств и реализации стратегической цели создания единого экономического и человеческого пространства от Атлантики до Тихого океана.

Стремление к выработке коллективных подходов к обеспечению подлинно равноправной архитектуры в Евро-Атлантике все явственнее проявляется не только у здравомыслящих политиков, но и на уровне гражданского общества. Приветствуем одобренную в ОБСЕ совместную работу политологических центров Германии, Польши, России и Франции по подготовке рекомендаций по проблемам евробезопасности. Хотим всячески поощрять такого рода контакты и процессы. Мы приветствуем эту работу.

Нет сомнений, что мы переживаем переломный этап истории. А значит, востребованы решительные, крупные инициативы. Настало время взаимно списать исторические долги и выдать друг другу «антикризисный» кредит – кредит доверия и партнерства.

В преддверии выступления меня просили прокомментировать российско-американские отношения, но, по большому счету, я согласен с тем, что сегодня сказал мой хороший друг Вице-президент США Дж.Байден. У нас действительно очень богатая и позитивная повестка дня, но в отношениях между такими крупными державами неизбежно сохраняются противоречия и разногласия, порой серьезные. Все вы о них знаете. Мы будем принципиально относиться к любому вопросу в российско-американских отношениях, как к подлежащему согласованию, если руководствоваться принципами взаимного уважения, равноправия и взаимного учета интересов. Но в тех вопросах, где у нас есть возможность для блага наших стран и международной безопасности работать вместе, мы, безусловно, уже работаем и будем продолжать это делать.

Хотел бы закончить ссылкой на Президента Б.Обаму, который в своей инаугурационной речи сказал, что США будут стремиться разрешать разногласия с другими государствами мирным путем – не вследствие наивности, но потому, что совместная работа является наиболее надежным средством устранения подозрений и страха. Именно такого ответственного подхода, причем основанного на строгом уважении принципов и норм международного права, Россия неизменно придерживается в своей внешней политике. Твердо рассчитываем на взаимность.

Спасибо за внимание.